

Наталья Каратаева

Наталья Валентиновна Каратаева (псевдоним – Наталья Мейн) родилась на Дальнем Востоке в семье военного в 1949 году. Образование высшее, учитель биологии и химии.

Публиковалась в сборниках: РСП – «Детская литература», «Поэт года», «Писатель года», «Фантастика», «Антология русской прозы»; Lit.Center – «Книга на лето», «Современные записки»; ИСП – «Литературные раздумья. 220 лет Виктору Гюго», «Сила слова», «Совёнок»; и в альманахах: ИСП – «По следам книжной Сибири», «Гений романтизма. 220 лет Александра Дюма», «Поэты и прозаики земли Русской»; МООСПР – «Серебряная строка»; Книга.Ру – «Мой мир»; в альманахе «Андеграунд»; в американском альманахе русской литературы DOVLATOFF; а также в журналах: «Литературный огонёк», «Литературный Крым», «География русского слова» (изд. 4); в серии для детей «Весёлый апельсин».

Финалист конкурса «Позитивное мышление» (2021). Лауреат международных литературных фестивалей: «Всё начинается с семьи» (МСП им. Св. Кирилла и Мефодия), ИСП – детской литературы им. А. Барто, «Казак Луганский», фантастики «Аэли-та». Президиумом РСП награждена медалями им. И. А. Бунина, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова. Автор книги для детей «Сказки Маши» (ИСП).

Ворон

Ветка рябины напружинилась и вздрогнула. Пушистый, лёгкий снег, сквозь который пламенели кисти ярких красных ягод, закружился в хороводе зимней пляски. Едва не надломившись, рябина устояла. Слишком сильная и большая птица села на её упругую ветвь. Рябина прислушалась. Тихо кругом, всё замерло. Где-то далеко кружил по снегу заяц, замечая лёгкие следы.

Слушать лес – что может быть приятнее зимой. Тихая выюжливая пурга убаюкивает своим размеренным танцем сонное царство леса. Сквозь дрему и сон едва пробиваются звуки жизни. Рябинка слегка коснулась сознанием окружающего её пространства. Вот пень, стоит рядом уж который год. Летом всегда зелёный, поросший мхом, осенью осыпанный рыжей листвой, а зимой ну просто красавец – белая шапка набекрень, серебрится лёгкой пушистой снежностью.

Полууснувшее сознание рябинки лишь слегка улавливало лёгкие шорохи погрузившегося в сон зимнего леса. Но это неважно. Важно отдохнуть, выстоять в холода и вновь подготовиться к яркой и суетной жизни лета.

– Ах, лето, лето. Как я люблю лето, – тихо шепнула она в полудрёме. – Шёлковая зелёная трава на лужайке, щебет милых пташек...

Тихий шёпот слов ли, или, может, ей показалось, стал просачиваться в сознание рябины. Что за шёпот? Откуда он? Нет, это ей показалось. Она слишком молода, слишком юна и пока ещё не в силах разобраться во многом, что происходит вокруг.

– Моё единственное желание, – шептала рябина, – дождаться тепла, солнца, весны.

– Здесь пройдёт путник, – вновь услышала она.

– Не может быть! – воскликнула рябина. – Неужели я слышу или мне это кажется?

– Кажется, не кажется, слушай меня. Здесь пройдёт путник. Он устроится под твоими ветвями. Сделай так, чтобы он не замёрз, чтобы он дождался утра, а утром он уйдёт. Ты поняла меня... – голос зазвучал мощно и властно.

– Поняла, поняла, – почему-то даже обрадовалась рябина. – Будь спокоен, я сделаю так, как ты говоришь.

Птица улетела. Ветка спружинила, и сразу стало легко. Невесомый пушистый снег медленным танцем заструился вниз.

– Что это было?! – воскликнула рябина. – Не забыть бы этот сон до весны. То-то я расскажу своим подружкам, что мне приснилось этой зимой.

Рябина вновь стала погружаться в лёгкую дрему и почти уже забыла это небольшое зимнее происшествие, воспринятое ею как сон, но вдруг почувствовала, как что-то большое и тёплое слегка привалилось к стволу.

– Уж не этот ли путник, – рябина отряхнулась от дрёмы. – Как же мне его спрятать, укрыть, обогреть? Ох, какое сложное дело получила я от этого вестника. Птица... это разве птица? Она разговаривает, она внушает, но она же и думает, и заботится ещё о ком-то. Разве птица может о ком-то заботиться?.. А я, я же рябина, как я могу позаботиться о ком-то ещё, кроме себя самой? Я обыкновенное дерево, я стою на месте, я не умею разговаривать, я только стою, только молчу.

– Ой! – воскликнула рябина. – Но сейчас-то я ведь разговариваю. – Странно, конечно, что кто-кто слышит меня, – удивилась рябина, вспомнив вдруг большую птицу, севшую ей на ветку, – с кем-то я могу говорить. Да, с птицей, например, но люди... они же слышат только себя, они не понимают, что...

Рябина замолчала. Она вспомнила, что обещала позаботиться о путнике.

– Как это сложно, – прошептала рябина. – Зимой, когда так холодно, что кажется, весь мир заледенел и уснул белым сном. Белым, как сама... – рябина вздрогнула, – я не буду думать о холоде, зиме, ведь стоит об этом подумать, как становится ещё холодней. Эта вездесущая царица холода и льда непременно пошлёт своих слуг. И ведь наказывают всегда таких, как я, слабых...

Рябина слегка застонала от таких тяжёлых предположений, но решительно переборов эти неприятные мысли, встряхнулась. Её тонкие ветки наклонились ниже над странником. Опушённые пушистым снегом, они создали заслон холодным ветрам.

– Да-да, это именно тот путник, о котором говорила мне птица, ворон, да-да, именно ворон. Но странный ворон, очень большой и очень разговорчивый, впрочем, меня это не касается.

Как устал этот путник! Я чувствую его тяжёлое дыхание. Он почти что упал под мои ветви. Его силы на исходе. Как он устал! Бедняжка! Но я чувствую тепло и биение его сердца так отчётливо. Ему нужна моя помощь, очень нужна.

Налетевшая вдруг вьюга закружилась вокруг рябины, её холодное дыхание коснулось ствола рябины, тонких веток. Присыпанные снегом кисти рябины, казалось, ещё больше замёрзли и поникли вниз пламенеющими гроздьями.

– Тише ты! – воскликнула рябина в гневе. – Разве ты не видишь замёрзшего путника, ему надо помочь. Уходи...

Глаза вьюги взглянули на рябину, они смотрели холодно и безжизненно. Взгляд её проник куда-то далеко внутрь, и внутри рябины что-то заледенело. Но почему-то затем снежные ресницы вьюги дрогнули, и, фыркнув снежной россыпью, она умчалась прочь.

Наступил рассвет. Розоватое в лёгкой дымке утреннее солнце пробивалось сквозь холодную мглу, засеребрилось

на голубоватых, пахнувших ещё морозной ночью, сугробах. Человек зашевелился. С трудом поднявшись и опершись о сухой ствол рябины, посмотрел на небо и всходившее утреннее солнце. Его рука слегка дрожала. Он благодарно похлопал по стволу рябины.

– Спасибо тебе за заботу.

Его глаза, слегка зеленоватые, заиграли живым блеском. Он сорвал горьковатую гроздь замёрзших пламенеющих ягод.

– Ох, и вкусна же ты, рябина!

Слова путника ещё долго звучали в сознании рябины. И даже засыпая, она повторяла так понравившиеся ей слова: «Ох, спасибо... ох, вкусна!»

Так непонятна эта другая жизнь, другие существа, люди, птицы. И так понятна благодарность, наверное, всем. Тихое снежное утро стремилось скрыть присутствие жизни, присутствие человека, и уже вскоре следы ушедшего путника были почти не видны. Наступило вновь безмолвие, белое безмолвие зимы.

Любовь Менты

Сердце трав и цветов

Дышу ароматом мяты...

– Ах, какое сказочное утро, – восхитилась нимфа Мента. – Мой милый родничок – твоя вода хрустальная и венчальная, ты течёшь по воле свободной через леса и луга, ты впитываешь капли дождя, падающие с небес, ты вбираешь соки земли и соединяешь в себе силы небесные и силы земные. Ты собираешь свои малые воды в большие и смело несёшь свои подарки Посейдону, богу морей: «При-

ми, Посейдон, мои дары, мою работу, что делаю я и мои подружки-нимфы вместе со мной. Мы держим вместе свод вод земных, подобно своду звёзд на небе».

Каждое утро пели нимфы богу Посейдону свои песни, пели песни каждой речушке, каждому ручейку, каждому озерку, что текли по поверхности великой планеты Земля, которую считали своим домом.

Спела песню однажды Мента водному потоку, что впадал в глубокое ущелье и уходил далее в глубь пещер каменных. Заглянула нимфа в глаза подземного озерка и оставила отражение своего лика на воде. И было всё прекрасно далее. Пела песни нимфа – текли воды светлые и прозрачные, тёплые и душистые, любовью и светом напитанные.

Но вот однажды прогуливался подземный бог Плутон по своим владениям, и наткнулся в своём царстве на озерко малое, подземное, что образовалось от ручейка, втекающего с внешнего поверхностного мира, и увидел он лик неземной красоты, лик нимфы прелестной. И влюбился Плутон в отражение, которое оживало тогда, когда падал луч луны через расселины в скалах. Лёгкая рябь пробегала по воде, и казалось Плутону, что прекрасное создание поёт песни ему.

Испил однажды Плутон водицы из этого озерка, и ещё больше проникла в его душу песнь светлая и тёплая, каких и не слыхивал он ранее. И стал Плутон пропадать очень часто у этого озерка и любоваться отражением нимфы. И вот однажды он услышал дивную песнь, то вновь посетила нимфа ручеек и вновь пела ручейку и озерку тайному песню жизни, чтобы жил этот ручеек долго и нёс благодать всем, кто находил его. Поднял Плутон глаза и встретился взглядом с нимфой, и полюбил Плутон нимфу.

Прознала про тайную любовь Плутона его жена Прозерпина и решила отомстить своей сопернице. Повернуть любовь мужа к себе. Подкараулила Прозерпина нимфу и пригрозила, что-де отомстит она ей за причинённую обиду.

Как ни упрашивала нимфа Прозерпину, как ни умоляла, не смилостивилась жена Плутона и своими чарами превратила нимфу в растение.

Долго ждал Плутон нимфу в своём царстве, может, вновь заглянет она и споёт свою песнь тайному озеру, но не дождался, решил выйти на поверхность земли и там поискать свою возлюбленную. Вышел Плутон к тому месту, где падал ручеёк в бездну со скал, но и там не нашёл её.

Пригорюнился Плутон, присел на камень. Но вдруг почувдился ему аромат тонкий и необыкновенный, проникающий глубоко в душу, – так прекрасен и чуден был аромат. Чем-то знакомым повеяло от него. То был аромат нимфы возлюбленной, и показалось Плутону, что сама нимфа приближается к нему. Долго дожидался он своей возлюбленной, но не дождался. Лишь воды ручья, в которых растворились чары Менты, по-прежнему пели ему песни любви. И понял он, что нет уже в этом мире его возлюбленной и нет ему места в этом мире. И ушёл печальный Плутон в своё подземное царство, бережно сохраняя в своём сердце светлую песнь нимфы Менты и печаль неразделённой любви.

Но он унёс с собой в своё подземное царство небольшой кусочек другой, ещё непонятной пока ему жизни – зелёный пучок травы. То были сладкие и чарующие песни самой нимфы, заколдованные и рождённые вновь в растении мята.

Прощание с лесом

Осенний лес в последних лучах яркого, почти летнего солнца, с пёстрой, уже начинающей желтеть листвой встретил меня тихо и торжественно. Природа с величавым и мудрым спокойствием готовилась к зиме. Не было в нейлетней суетливости и шаловливого трепета листвы. Почернели

и поникли травы. На тонкой паутинке сверкнул серебристый лучик росы.

И всё же есть в осени особая, неповторимая торжественность. Не сравнимая ни с буйным всплеском трав лета, ни с синей огненностью весеннего неба, ни с холодным спокойствием зимы, дыхание которой, ещё очень лёгкое, но уже ощутимое, пронизывало всё вокруг. Трепетные осины дрожали в лёгком порыве ветерка, как бы взывая о помощи, и протягивали гибкие ветви к уходящему солнышку. Пустынней и темней становилось в лесу.

Да и лесные жители приуныли. Где то летнее буйное веселье, где хороводы и пляски под ласковым солнцем? Не порхают уже в лёгком веселье среди трав и кустов прозрачные платя воздушных прелестных фей. Ведь их детки, маленькие лесные жители – колокольчики и ромашки, лютики и незабудки, – уже отцвели. Их крошечные головки поникли в зябком полусне. Не проснуться им до следующего жаркого солнышка, до следующей весны.

Глухо затопали ножками маленькие гномики в свои скромные лесные избушки. Да и сам Царь леса поёживается – холодно становится в уже не греющем, когда-то прекрасном плаще из листьев, цветов, трав.

Чу! Ветер подул! Кружится лист с красавицы берёзки, задевающей верхушкой ещё синеющее небо. Кружится, застилает полянку, где ещё не так давно пели песни и водили хороводы маленькие лесные жители.

Долго я стояла у края полянки, прощаясь с моими милыми друзьями. Долго машут они мне вслед своими маленькими разноцветными платочками. Один платочек сохранился у меня на память.

Открою я зимой книжку, а там, между листьями – маленький жёлтый платочек, подарок берёзки.

Прости же, лес! Прости и прощай!

Язык музыки

Вечернее солнце едва коснулось верхушек деревьев, и в отсвете неба появились новые краски жизни. Лёгкие, пронизанные заходящим солнцем облака, переливающиеся малиновыми и розовыми красками, таинственно соприкасаясь в вечернем небе, приносили умиротворение и сладкой песней ложились на сердце.

Воздух становился ароматней, прозрачней. Где-то далеко слышались звуки волшебной музыки – мягкой и нежной, как краски вечерней зари, они пели, сливаясь с природой, в тончайшем и сладостном проникновении. И было так глубоко это таинственное взаимопроникновение музыки, природы и души, что казалось, ты не здесь, а в другом неземном и нереальном, более совершенном мире.

Эти тонкие, едва уловимые мгновения жизни, когда душа сливается с Мирозданием и находит своё отражение и созвучие с ним, есть сладчайшее наслаждение и обретение самого себя.

Послушайте звуки и краски уходящего дня, они есть Жизнь – Вечная и Прекрасная.

Листопад

Желтеет лист, наполняя аллеи душистым запахом отцветающего лета. Аромат проникновенно ложится на сердце и щемит слезой уходящее прошлое.

Отчего так сладостен, печален откровенный разговор с самим собой – понимание ли своей души открывает он нам в такие редкие, светлые минуты. Или, может, именно так мы слышим тихий шёпот Природы, или что-то более

высокое и таинственное напоминает нам о своём присутствии, разрывая сердце своим откровением.

Так плачет душа от невыносимой радости общения с давно забытым другом и преданным так пошло за грошовые мелкие житейские радости каждодневной жизни.

Всё может быть. Отрицать непознанное трудно, нелепо. Омытое слезами очищения сердце утром следующего дня бывает так забывчато.

И всё же пройдите осенним днём, не торопясь, под листопадом – неслышно и тайно приходит в ваше сердце единственная и манящая радость на этом свете, любовь Природы, которая всегда с вами, внутри вас. Услышите её шёпот и благодать, печаль или радость – тайные Вестники Жизни...

Вечереет

Вечереет. Ушёл зной лучезарного дня. Прохладный свежий ветерок почти неслышно перебирает ветви тонкоствольной ивы, опустившей свои ветви до тёмной прохлады мерцающих вод. Алой краской залился закат.

Игра воздуха, света и последних лучей уходящего солнца в своём бесконечном многообразии отражала все невысказанные и сияющие невообразимой чистотой краски и блики как бы другого, не принадлежащего нам, мира. И жизнь, и радость, сквозившие там, так далеки от нас, так прекрасны. Они захватывают всё существо, и кажется, нет более ничего прекраснее на свете, кроме как этой чистейшей, первозданной в своей искренности и величии ещё одной ипостаси Бытия, ещё одного Лица Природы.

Послушные Творцу, его могучей кисти, его вдохновению льются на землю потоки вечной благодати, как бы говоря человеку – встань, смотри, внемли и пей эту божественную

благодать, испить и насладиться которой невозможно, ибо она Вечна и Прекрасна.

Книга о радости

Жил один Мудрец. Долго жил. Много знал-познал. Смотрел на землю, а видел, как червяк под землёй ползёт, смотрел на птицу, а видел, сколько зёрен она склевала, смотрел на море, а видел, сколько рыб зародилось с начала Творения и сколько ещё народится, смотрел на звёзды и знал, какая погаснет, а какая на землю упадёт.

Всё знал Мудрец. И скучно ему стало на Земле – всё знает. Затужил он, задумался. Летел мимо орёл, и спросил его Мудрец:

– Что мне делать?

– Радуйся, – ответил Орёл.

Пролетала мимо стрела охотника, и спросил её Мудрец:

– Что мне делать?

– Радуйся! – прозвенела стрела.

– Да будет так! – сказал Мудрец.

Ушёл он в горы и написал там

«Книгу о радости»

И написаны были в книге такие слова:

«Я пою вам о красоте – радуйтесь, люди!

Я пою вам песни о любви – радуйтесь, люди!

И трепещет, и бьётся, и звучит в этой книге Радость.

И огромна в этой книге жажда жить дальше,

а читается эта книга всю жизнь,

не уставая».